

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.030-038

Н. Е. Сосипатрова*

Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию

Аннотация. Правовая конструкция наследственного договора, введенная в систему российского гражданского права 1 июня 2019 г., вызвала неоднозначную оценку в доктрине наследственного права. Анализируя различные точки зрения ученых и правовые предписания, автор высказывает свое мнение о данной правовой конструкции, отмечая, в частности, дисбаланс в правовом положении сторон наследственного договора, выражающийся в возможности одностороннего отказа от его исполнения лишь одной из сторон, в отсутствие правовой защиты контрагента наследодателя при отчуждении последним имущества, указанного в наследственном договоре. Это делает данную правовую конструкцию практически не имеющей обязывающей силы для наследодателя и снижает ее востребованность. Обосновывается мнение автора о том, что правовой запрет заключения наследственного договора через представителя относится только к наследодателю. Делается предположение, что указание в наследственном договоре на третье лицо, приобретающее право наследования, не превращает данное соглашение в конструкцию договора в пользу третьего лица. Затрагивается дискуссионный вопрос о границах свободы усмотрения наследодателя, о существенных условиях наследственного договора. В статье отмечаются пробелы закона в регулировании ряда вопросов, связанных с заключением и исполнением наследственного договора, подвергаются критике некоторые формулировки ст. 1118 и 1140.1 Гражданского кодекса РФ, делаются предложения по совершенствованию названных норм. Автор приходит к выводу, что правовая конструкция наследственного права порождает немало вопросов, вызванных небезупречными правовыми формулировками и недостаточной полнотой правового регулирования, что может породить не только доктринальные дискуссии, но и противоречивую правоприменительную практику.

Ключевые слова: наследственный договор; субъектный состав наследственного договора; дисбаланс в правовом положении сторон наследственного договора; существенные условия наследственного договора; расширение свободы усмотрения наследодателя; недостойные наследники; порядок заключения наследственного договора; основания расторжения наследственного договора.

Для цитирования: Сосипатрова Н. Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 30–38. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.030-038.

An Inheritance Contract: a Critical Look at the Legal Construction

Nadezhda E. Sosipatrova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Faculty of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
pr. Gagarina, d. 23, N. Novgorod, Russia, 603950
sosipatrova@yandex.ru

Abstract. The legal structure of an inheritance contract introduced into the system of Russian civil law on June 1, 2019, caused an ambiguous evaluation in the doctrine of inheritance law. Analyzing various points of views of scholars and legal prescriptions, the author expresses her opinion on this legal structure highlighting in particular an imbalance in the legal status of the parties to the inheritance contract, expressed in the possibility of unilateral

© Сосипатрова Н. Е., 2021

* Сосипатрова Надежда Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского
пр. Гагарина, д. 23, г. Н. Новгород, Россия, 603950
sosipatrova@yandex.ru

refusal to execute it by only one of the parties, in the absence of legal protection of the testator's counterparty when the latter alienates the property specified in the inheritance contract. This makes this legal structure practically non-binding for the testator and reduces its relevance. The author substantiates that the legal prohibition of concluding an inheritance contract through a representative applies only to the testator. The assumption is made that the reference to a third party acquiring the right of inheritance does not turn this agreement into a contract made in favor of the third party. The paper focuses on the controversial issue of the limits of the discretion of the testator and the essential conditions of the inheritance contract. The author differentiates the gaps in the law in the regulation of a number of issues related to the conclusion and execution of an inheritance contract, some wordings of Art. 1118 and 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation and suggests proposals that improve rules under consideration. The author comes to the conclusion that the legal structure of inheritance law raises many questions caused by faulty legal formulations and insufficient completeness of legal regulation, which can give rise not only to doctrinal discussions, but also to contradictory law enforcement practice.

Keywords: inheritance contract; parties to inheritance contract; imbalance in the legal status of the parties to the inheritance contract; essential terms of the inheritance contract; expanding the testator's discretion; unworthy heirs; procedure for concluding an inheritance contract; grounds for termination of an inheritance contract.

Cite as: Sosipatrova NE. Nasledstvennyy dogovor: kriticheskiy vzglyad na pravovuyu konstruktsiyu [An Inheritance Contract: a Critical Look at the Legal Construction]. *Lex russica*. 2021;74(11):30-38. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.030-038 (In Russ., abstract in Eng.).

Наследственное право относится к наиболее консервативной области гражданского законодательства. Принципиальные изменения, сопряженные с отказом от устоявшихся традиций российского наследственного права, с введением новых понятий и правовых конструкций, требуют осторожного, взвешенного подхода, основанного на доктринальных исследованиях и отражающего потребности правоприменительной практики. В противном случае нововведения могут носить характер искусственного образования, с трудом вписывающегося в систему устоявшихся традиционных положений наследственного права.

Федеральный закон от 19.07.2018 № 217 «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, вступивший в силу 1 июня 2019 г., внес в отечественное наследственное право ряд существенных изменений. Одно из наиболее значимых — введение категории наследственного договора, которая еще на стадии разработки и обсуждения законопроекта вызвала неоднозначную оценку в юридическом сообществе². Некоторые критические

замечания, высказанные в процессе дискуссии о новеллах наследственного права, были учтены законодателем. Вместе с тем принятая редакция ст. 1140.1 «Наследственный договор» Гражданского кодекса РФ³ оставляет нерешенными ряд вопросов.

1. Субъектный состав наследственного договора

Согласно абз. 1 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ, наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (ст. 1116), договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию (наследственный договор).

Следует отметить некоторую некорректность в определении одной из сторон наследственного договора — «наследодатель», поскольку им признается лицо после констатации его смерти (или объявления умершим), на что обращалось

¹ СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4552.

² См., например: Блинков О. Е. О наследственном договоре в российском наследственном праве: быть или не быть? // Наследственное право. 2015. № 4. С. 3–5; Гребенкина И. А. Совершенствование наследственного права: все ли предлагаемые изменения обоснованы? // Lex russica. 2016. № 11 (120). С. 135–142; Долинская В. В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 3–13; Матвеев И. В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 6–9.

³ СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

внимание в юридической литературе еще на стадии обсуждения законопроекта⁴. Требования, предъявляемые к данной стороне, определены в законе достаточно четко: к нему применяются правила Гражданского кодекса РФ о завещателе, если иное не вытекает из существа наследственного договора (п. 6 ст. 1118 ГК РФ). Таким образом, наследодателем по рассматриваемому договору может быть лишь физическое лицо, обладающее в момент заключения договора дееспособностью в полном объеме. Множественность лиц на стороне наследодателя исключается, кроме случая, когда наследственный договор заключается супругами.

Другая сторона в договоре не получила в законе специального названия и обозначена как «любое из лиц, которые могут призываться к наследованию». Круг этих лиц, определенный в ст. 1116 ГК РФ, требует некоторых пояснений применительно к наследственному договору.

Как предусмотрено в абз. 1 п. 1 названной статьи, к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Если эту норму толковать буквально, то стороной в договоре может быть и лицо, признанное судом недееспособным, и только что родившийся ребенок, и даже еще не родившийся, но зачатый к моменту заключения договора. Последний вариант абсурден, а первые два теоретически допустимы, если признать возможным применение института представительства.

Согласно п. 3 ст. 1118 ГК РФ, «совершение завещания и заключение наследственного договора через представителя не допускаются». Распространяется ли запрет на представительство при заключении данного договора только в отношении наследодателя или касается обеих сторон договора — ответ с очевидностью не следует из приведенной нормы. Грамматическое толкование п. 3 ст. 1118 ГК РФ позволяет считать, что запрет установлен для обеих сторон, однако применяя системное толкование, можно прийти к иному выводу. Пункт 3 ст. 1118 ГК РФ начинается с нормы о том, что завещание должно быть совершено лично. И в продолжение этой нормы следует положение о запрете совершения завещания и заключения наследственного договора через представителя. Про-

чение второго предложения п. 3 ст. 1118 ГК РФ в контексте с первым предложением позволяет предположить, что запрет на представительство при заключении наследственного договора относится лишь к наследодателю. И еще один аргумент в подтверждение сделанного предположения: поскольку принятие наследства допускается через представителя (абз. 3 п. 1 ст. 1153 ГК РФ), то почему следует отказать в праве действовать через представителя будущему наследнику, заключающему договор с наследодателем?

Для исключения двоякого толкования предлагается уточнить редакцию п. 3 ст. 1118 ГК РФ, указав во втором предложении, что заключение наследственного договора *наследодателем* через представителя не допускается.

Круг участников наследственного договора может быть расширен за счет включения в него третьих лиц, которые могут призываться к наследованию, не будучи стороной в договоре. Представляется, что в этом случае соглашение не приобретает конструкцию договора в пользу третьего лица, предусмотренную в ст. 430 ГК РФ, поскольку наследодатель не становится должником ни в отношении своего контрагента по договору, ни тем более в отношении третьего лица. Из этого следует практический вывод: в случае отказа третьего лица от принятия наследства этим правом не может воспользоваться контрагент наследодателя по договору, как это было бы возможно в конструкции договора в пользу третьего лица в силу п. 4 ст. 430 ГК РФ.

Смысл заключения наследственного договора, в котором в качестве наследника указывается не сторона в договоре, а третье лицо, не совсем понятен. В чем состоит преимущество договорной конструкции по сравнению с традиционным завещанием, которым можно достичь ту же цель — назначение наследника?

Кроме того, заметим: как вытекает из п. 6 ст. 1118 ГК РФ, если заключен наследственный договор, в котором к наследованию призывается не сторона в договоре (в качестве наследника названо третье лицо), то на контрагента наследодателя не могут быть возложены обязанности, исполняемые до открытия наследства. Таким образом, заключается договор, который при жизни наследодателя не порождает обязанности ни у одной из сторон, а после смерти наследодателя право на получение

⁴ См., например: Михайлова И. А. Наследственный договор: достоинства и недостатки // Наследственное право. 2018. № 4. С. 32.

наследства имеет названное в договоре третье лицо. В чем тогда смысл данного договора для его стороны? В исполнении возложенных на нее обязанностей после открытия наследства, из которого она ничего не получает?

Может ли быть сторона в наследственном договоре указана в качестве наследника вместе с третьим лицом? Внимательное прочтение абз. 1 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ приводит к отрицательному ответу. Указанная норма предусматривает, что условия договора определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим сторонам договора или к пережившим третьим лицам. Разделительный союз «или» исключает возможность призвания к наследованию по договору контрагента наследодателя и третье лицо. Такой подход законодателя труднообъясним с учетом того, что договором может быть предусмотрено несколько наследников, если они являются сторонами договора или являются третьими лицами.

2. Условия наследственного договора

Как усматривается из абз. 1 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ, к обязательному (существенному) условию наследственного договора относится определение круга наследников и порядка перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к наследникам. Еще на стадии обсуждения законопроекта экспертами Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства обращалось внимание на некорректность определения договором порядка перехода наследственного имущества. В экспертном заключении Совета отмечалось, что «по самому существу предмет наследственного договора определяется распоряжением своим имуществом *in mortis cause*, а не порядком перехода прав, который определен законом»⁵. С этим трудно не

согласиться, поскольку порядок наследования подробно регламентируется нормами раздела V ГК РФ, абсолютное большинство которых носит императивный характер.

Буквальное толкование абз. 1 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ приводит к выводу о том, что без условия об определении круга наследников и порядка наследования договор не будет считаться заключенным, поскольку оно определяет его предмет, являющийся существенным условием любого гражданско-правового договора (абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ). Таким образом, в отличие от завещания, данный договор не может состоять лишь из условия, например, о лишении кого-либо из наследников по закону права наследования или только о завещательном отказе либо о назначении душеприказчика. Такие завещательные распоряжения, конечно, могут быть включены в договор, но они относятся к числу факультативных условий, отсутствие которых не влияет на признание наследственного договора заключенным.

В доктрине наследственного права существует и другая точка зрения на содержание наследственного договора, состоящего из завещательных распоряжений, не определяющих круг наследников и порядок перехода наследственного имущества после смерти наследодателя. С. Л. Будылин и Е. Ю. Петров считают, что норму абз. 1 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ «имеет смысл толковать расширительно, т.е. в наследственном договоре наследодатель при желании может ограничиться одним лишь легатом (например, наследодатель устанавливает легат в виде квартиры в пользу своего контрагента)»⁶.

Возможно, с практической точки зрения такая позиция оправдана, но она не согласуется с легальным определением наследственного договора, в котором сформулирован его предмет.

Наследственный договор может не ограничиваться завещательными распоряжениями, а регулировать отношения между наследодате-

⁵ Экспертное заключение от 08.02.2016 № 149-1/2016 по проекту федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования наследственного права) // Экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 2016 г.: Материалы VI Международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года». М.: Статут, 2017. С. 35.

⁶ Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. Электронное издание. Редакция 1.0.С. 609.

лем и будущим наследником до открытия наследства, возлагая на последнего обязанность совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера. Это может быть обязанность по содержанию наследодателя или выплате ему однократно или периодически определенной денежной суммы, помощь в ведении хозяйства, организация и оплата лечения, отдыха, оказание транспортных услуг по требованию наследодателя и др.

При возложении на контрагента обязанностей имущественного характера наследственный договор приобретает некоторое сходство с рентным договором своей направленностью на передачу имущества в собственность, отличаясь от последнего прежде всего моментом перехода права собственности на приобретаемое имущество. При обсуждении законопроекта отмечалось в качестве достоинства новой договорной конструкции то, что она позволяет наследодателю сохранить право собственности на принадлежащее ему имущество в течение всей жизни, что, «как подразумевается, будет дисциплинировать приобретателя»⁷. При этом не учитывается явный дисбаланс в правовом положении сторон, создаваемый наследственным договором, поскольку данный договор, по сути, не связывает наследодателя, предоставляя ему право на односторонний немотивированный отказ от договора (абз. 1 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ) и сохраняя за ним после заключения договора право распоряжения имуществом, указанным в договоре (п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ).

Причем, если при отказе от договора наследодатель обязан возместить другой его стороне убытки, возникшие у нее в связи с исполнением договора (абз. 2 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ), то в случае распоряжения принадлежащим ему имуществом (что лишает контрагента возможности в будущем наследовать данное имущество) закон не предусматривает какой-либо компенсации в связи с исполнением наследственного договора. Не оспаривая право наследодателя на распоряжение своим имуществом после заключения наследственного договора (иное противоречило бы постулатам права собственности и наследственного права), заметим, что

норма п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ нарушает правовое равенство сторон и лишает договор обязывающей силы.

В процессе обсуждения законопроекта поднимался вопрос, «можно ли рассматривать отчуждение всего имущества или значительной его части наследодателем в качестве основания для расторжения наследственного договора в связи с существенным изменением обстоятельств?»⁸. Полагаем, что ответ впоследствии может дать судебная практика, однако такая постановка вопроса не лишена смысла как единственная мера защиты имущественных интересов контрагента в ситуации отчуждения наследодателем наследственного имущества или его значительной части.

И. А. Гребенкиной была высказана мысль о целесообразности при отчуждении наследодателем имущества, включенного в наследственный договор, возложить на него обязанность компенсировать реальные расходы наследника, связанные с добросовестным исполнением им своих обязанностей по договору⁹. Однако это предложение, сделанное еще на стадии обсуждения законопроекта, не было воспринято законодателем.

Наследственный договор может возлагать на участвующих в нем лиц обязанность по совершению каких-либо действий не только при жизни наследодателя, но и после его смерти. Круг этих действий шире, чем исполнение завещательного отказа или завещательного возложения. Закон не устанавливает границы этих действий, определяя их максимально широко — они могут носить имущественный или неимущественный характер и должны соответствовать закону. С одной стороны, можно приветствовать расширение свободы усмотрения наследодателя, с другой стороны, отсутствие четких границ в реализации такой свободы может породить различные толкования соответствующих условий наследственного договора с точки зрения их законности и, как следствие, противоречивую судебную практику.

Возложение на лицо, участвующее в договоре, исполнения какой-либо обязанности после открытия наследства (кроме завещательного отказа или возложения) напоминает условное

⁷ Алексикова О. Е., Мельник Е. А. Перспективы развития институтов наследственного договора и совместного завещания супругов в российском наследственном праве // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Том.12. № 1. С. 233.

⁸ Папушина Н. Ю. Наследственный договор: перспектива появления в российском наследственном праве // Нотариальный вестник. 2016. № 3. С. 16.

завещание. Например, возложение на наследника обязанности окончить избранное им учебное заведение может быть одним из условий договора, а также условием завещания, превращающим его в сделку под отлагательным условием. Между тем вопрос о допустимости условных завещаний долгие годы относится к числу дискуссионных. По этому поводу высказаны различные точки зрения: от отнесения таких условий к числу недопустимых как ограничивающих права и свободы гражданина¹⁰ до признания их не противоречащими закону, поскольку, принимая наследство, наследник добровольно решает следовать воле завещателя и соответствующие действия станут результатом его осознанного выбора¹¹. В доктрине наследственного права представлена позиция, согласно которой условия завещания разделяются на допустимые и недопустимые, однако единства мнений об отнесении того или иного условия к первому либо второму виду не достигнуто. Например, условие о переходе наследственного имущества к наследнику по достижении им определенного возраста одними учеными оценивается как неправомерное¹², другие считают его законным¹³.

Дискуссионность вопроса об условных завещаниях позволяет сделать предположение о том, что конструкция договора, возлагающая на наследника совершение определенных действий как условие наследования, может породить различные оценки в правоприменительной практике и всплеск дискуссии о границах свободы усмотрения наследодателя.

Последствия наследственного договора могут быть поставлены в зависимость от обстоятельств, относительно которых при заключении договора было неизвестно, наступят они или нет. Эти обстоятельства могут зависеть или не зависеть от воли одной из сторон, но должны наступить ко дню открытия наследства (абз. 2 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ). Например, на контра-

гента по наследственному договору возложена обязанность оплачивать лечение наследодателя, однако если до открытия наследства контрагент достигнет пенсионного возраста, эта обязанность прекращается (с сохранением действия договора). Или наследственный договор заключается с лицом, которое в будущем наследует квартиру наследодателя, но в договор включается условие о том, что если указанное лицо до открытия наследства приобретет в собственность жилое помещение, то указанную в договоре квартиру наследует племянник наследодателя, а контрагент по договору наследует автомобиль наследодателя и его права на денежные средства в банке.

Допустимость таких условий в договоре не вызывает сомнений, однако не совсем ясен замысел законодателя, ограничившего влияние на последствия наследственного договора обстоятельствами, наступившими лишь ко дню открытия наследства. Представляется, что действие названной выше нормы можно распространить и на более поздний период исполнения договора. Например, на контрагента по договору возложена обязанность в течение двух лет после смерти наследодателя установить на его могиле гранитный памятник, однако эта обязанность отпадает, если памятник к этому времени будет поставлен детьми наследодателя. Или на контрагента возложена обязанность предоставить содержание двоюродной сестре наследодателя на время получения образования и устройства на работу. Названная обязанность прекращается после ее трудоустройства или вступления в брак.

Условия наследственного договора действуют в части, не противоречащей правилам ст. 1117 ГК РФ о запрете наследования недостойным наследникам (абз. 1 п. 6 ст. 1140.1 ГК РФ). Буквальное толкование названной нормы ст. 1140.1 ГК РФ позволяет сделать вывод, что статья 1117 ГК РФ, состоящая из нескольких

⁹ Гребенкина И. А. Указ. соч. С. 138.

¹⁰ См., например: Маковский А. Л. Как лучше гарантировать наследование. Нормы наследственного права в проекте третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. 1997. № 3–4. С. 37–38.

¹¹ Михайлова И. А. Условные завещания: история и современность // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 1. С. 37–45.

¹² См., например: Свиридова Е. А. Проблемные аспекты недействительности завещаний в российском и белорусском законодательстве // Молодой ученый. 2015. № 24 (204). С. 173–176.

¹³ См., например: Новиков А. А. К истории завещания под условием в отечественном гражданском праве // Цивилистические исследования. Вып. 1 : сборник научных трудов памяти профессора И. В. Федорова / под ред. Б. Л. Хаксельберга, Д. О. Тузова. М. : Статут, 2004. С. 349–350.

правовых норм, применяется к рассматриваемым отношениям лишь в части установления запрета наследования лицом, признанным недостойным наследником. Остается неясным, распространяется ли на наследственный договор правило п. 3 ст. 1117 ГК РФ, предусматривающее возврат наследственного имущества, неосновательно полученного недостойным наследником. Названная норма устанавливает такое последствие для случаев наследования по закону или по завещанию. Думается, это не сознательная позиция, избранная законодателем, а недостаток законодательной техники, поэтому для устранения неясности предлагается внести в абз. 1 п. 6 ст. 1140.1 ГК РФ дополнение, указав на применение к наследственному договору п. 3 ст. 1117 ГК РФ.

В доктрине наследственного права поднимался вопрос о возмещении расходов, связанных с исполнением наследственного договора недостойным наследником, если он должен будет вернуть неосновательно полученное наследственное имущество¹⁴. Полагаем, что указанные расходы не должны подлежать возмещению, так как неполучение ожидаемого по договору наследства обусловлено не случайным обстоятельством, а противоправным поведением самого наследника.

3. Заключение и расторжение наследственного договора

Наследственный договор подлежит нотариальному удостоверению. При этом нотариус обязан осуществлять видеофиксацию процедуры его заключения, если стороны не возражают (п. 7 ст. 1140.1 ГК РФ). За рамками данной правовой нормы остались вопросы о последствиях возражения лишь одной стороны договора, а также о форме, в которой должно быть получено возражение против видеофиксации. Наконец, каково последствие отсутствия видеофиксации (если нет возражений сторон договора), например из-за халатности нотариуса или неисправности

видеоаппаратуры? Поскольку видеофиксация заключения наследственного договора — это процедурный вопрос, думается, что оплошности в нем не должны влиять на действительность сделки.

Как предусмотрено пунктами 9 и 10 ст. 1140.1 ГК РФ, расторжение наследственного договора возможно по соглашению сторон, путем одностороннего отказа от его исполнения или на основании решения суда в связи с существенным изменением обстоятельств.

Не вызывает сомнения, что рассматриваемый договор подлежит расторжению и по другим основаниям, в частности в связи с существенным нарушением договора или по иным основаниям, указанным в соглашении сторон (например, в связи с отчуждением наследодателем всего или значительной части имущества, указанного в наследственном договоре).

В статье уже отмечался дисбаланс в правовом положении сторон наследственного договора. Говоря о расторжении договора, следует отметить, что право на односторонний немотивированный отказ от договора статьей 1140.1 ГК РФ предоставлено лишь одной стороне — наследодателю. Реализуя данное право, он обязан возместить другой стороне убытки, возникшие у нее в связи с исполнением наследственного договора. Что касается контрагента наследодателя, то названная статья, прямо не предоставляя ему это право, указывает, что он вправе совершить односторонний отказ от наследственного договора «в порядке, предусмотренном законом или наследственным договором» (абз. 3 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ). Однако для того, чтобы реализовать данное право в установленном порядке, требуются основания для отказа от договора. Такие основания могут быть предусмотрены в законе или ином нормативном акте, а если исполняется договорное обязательство, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности, то основания для одностороннего отказа могут быть установлены также договором (п. 1 и 2 ст. 310 ГК РФ)¹⁵. Обязательство, порожденное наследственным

¹⁴ Белоотченко Е. А. Наследственный договор в рамках реформирования российского наследственного права // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledstvennyy-dogovor-v-ramkah-reformirovaniya-rossiyskogo-nasledstvennogo-prava> (дата обращения: 21.05.2021).

¹⁵ В правовой доктрине высказано мнение о распространении действия п. 2 ст. 310 ГК РФ в том числе и на договоры, в которых обе стороны не осуществляют предпринимательскую деятельность. Согласно этой позиции, договор между указанными лицами может предусматривать право любой из сторон договора на односторонний отказ от него (см.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов.

договором, трудно отнести к осуществляемому в рамках предпринимательской деятельности, поэтому, следуя буквальному толкованию п. 1 и 2 ст. 310 ГК РФ, в данном договоре не могут быть установлены случаи (основания) одностороннего отказа от договора контрагентом наследодателя.

Обзор норм Гражданского кодекса, посвященных наследственному договору, позволяет прийти к выводу о том, что новая правовая кон-

струкция наследственного права порождает немало вопросов, вызванных небезупречными правовыми формулировками и недостаточной полнотой правового регулирования. Эти недостатки могут породить не только доктринальные дискуссии, но и противоречивую правоприменительную практику. Кроме того, данная договорная конструкция практически не имеет обязывающей силы для наследодателя, что снижает ее востребованность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексикова О. Е., Мельник Е. А. Перспективы развития институтов наследственного договора и совместного завещания супругов в российском наследственном праве // Среднерусский вестник общественных наук. — 2017. — Т. 12. — № 1. — С. 231–236.
2. Белоотченко Е. А. Наследственный договор в рамках реформирования российского наследственного права // Ленинградский юридический журнал. — 2017. — № 2 (48). — С. 122–130.
3. Блинков О. Е. О наследственном договоре в российском наследственном праве: быть или не быть? // Наследственное право. — 2015. — № 4. — С. 3–5.
4. Гребенкина И. А. Совершенствование наследственного права: все ли предлагаемые изменения обоснованы? // Lex russica. — 2016. — № 11 (120). — С. 135–142.
5. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2017. — 1120 с.
6. Долинская В. В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 10. — С. 3–13.
7. Маковский А. Л. Как лучше гарантировать наследование. Нормы наследственного права в проекте третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. — 1997. — № 3–4. — С. 37–41.
8. Матвеев И. В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. — 2015. — № 1. — С. 6–9.
9. Михайлова И. А. Условные завещания: история и современность // Юридический вестник Самарского университета. — 2016. — Т. 2. — № 1. — С. 37–45.
10. Михайлова И. А. Наследственный договор: достоинства и недостатки // Наследственное право. — 2018. — № 4. — С. 31–37.
11. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. — М. : М-Логос, 2018. — 656 с. — Электронное издание. Редакция 1.0.
12. Новиков А. А. К истории завещания под условием в отечественном гражданском праве // Цивилистические исследования. Вып. 1 : сборник научных трудов памяти профессора И. В. Федорова / под ред. Б. Л. Хаксельберга, Д. О. Тузова. — М. : Статут, 2004. — С. 334–352.
13. Папушина Н. Ю. Наследственный договор: перспектива появления в российском наследственном праве // Нотариальный вестник. — 2016. — № 3. — С. 15–20.
14. Свиридова Е. А. Проблемные аспекты недействительности завещаний в российском и белорусском законодательстве // Молодой ученый. — 2015. — № 24 (204). — С. 173–176.
15. Экспертное заключение от 08.02.2016 № 149-1/2016 по проекту федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования

М. : Статут, 2017. С. 81). Такой взгляд свидетельствует о расширительном толковании названной правовой нормы и не согласуется с позицией Пленума Верховного Суда РФ, высказанной в п. 10 постановления от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (Российская газета. 05.12.2016. № 275).

наследственного права)» // Экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 2016 г. : материалы VI Международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года», 25 января 2017 г. — М. : Статут, 2017. — С. 31–49.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Aleksikova OE, Melnik EA. Perspektivy razvitiya institutov nasledstvennogo dogovora i sovmestnogo zaveshchaniya suprugov v rossiyskom nasledstvennom prave [Prospects for the development of institutions of inheritance contract and joint will of spouses in Russian inheritance law]. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2017;12(1):231-236 (In Russ.).
2. Belootchenko EA. Nasledstvennyy dogovor v ramkakh reformirovaniya rossiyskogo nasledstvennogo prava [Inheritance Agreement within the Framework of Reforming Russian Inheritance Law]. *Leningrad Legal Journal*. 2017;2(48):122-130 (In Russ.).
3. Blinkov OE. O nasledstvennom dogovore v rossiyskom nasledstvennom prave: byt ili ne byt? [On the Hereditary Contract in the Russian Inheritance Law: To Be Or Not to Be?]. *Inheritance Law*. 2015;4:3-5 (In Russ.).
4. Grebenkina IA. Sovershenstvovanie nasledstvennogo prava: vse li predлагаемые izmeneniya obosnovanny? [Improvement of Inheritance Law: Are All the Proposed Changes Justified?]. *Lex russica*. 2016;11(120):135-142 (In Russ.).
5. Karapetov AG, editor. Dogovornoe i obyazatelstvennoe pravo (obshchaya chast): postateynnyy kommentariy k statyam 307–453 Grazhdanskogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contractual and obligation law (general part): article-by-article commentary to articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ.; 2017 (In Russ.).
6. Dolinskaya VV. o tendentsiyakh razvitiya i problemakh nasledstvennogo prava Rossii [On Evolution Trends and Inheritance Law Problems in Russia]. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018;10:3-13 (In Russ.).
7. Makovsky AL. Kak luchshe garantirovat nasledovanie. Normy nasledstvennogo prava v proekte tretey chasti Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [The Best way to guarantee inheritance. Provisions of inheritance law in the draft of the third part of the Civil Code of the Russian Federation]. *Legislation and Economics*. 1997;3-4:37-41 (In Russ.).
8. Matveev IV. Nasledstvennyy dogovor: zarubezhnyy opyt i perspektivy poyavleniya v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii [Hereditary Contract: International Experience and Prospects of the Emergence of the Civil Law of the Russian Federation]. *Russian Justice*. 2015;1:6-9 (In Russ.).
9. Mikhailova IA. Uslovnye zaveshchaniya: Istoriya i sovremennosti [Contingent Wills: A Historic Overview]. *Juridical Journal of Samara University*. 2016;2(1):37-45 (In Russ.).
10. Mikhailova IA. Nasledstvennyy dogovor: dostoinstva i nedostatki [An Inheritance Agreement: Advantages and Disadvantages]. *Inheritance Law*. 2018;4:31-37 (In Russ.).
11. Petrov EYu, editor. Nasledstvennoe pravo: postateynnyy kommentariy k statyam 1110–1185, 1224 Grazhdanskogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Inheritance law: article-by-article commentary to articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: M-Logos Publ.; 2018 (In Russ.).
12. Novikov AA. K istorii zaveshchaniya pod usloviem v otechestvennom grazhdanskom prave [On the history of the will in the context of domestic civil law]. In: Hakselberg BL, Tuzova DO, editors. *Civil Law Studies. Issue 1: Collection of research papers in memory of Professor I. V. Fedorov*. Moscow: Statut Publ.; 2004 (In Russ.).
13. Papushchina NYu. Nasledstvennyy dogovor: perspektiva poyavleniya v rossiyskom nasledstvennom prave [How the Future May Unfold Inherited Contract in Inheritance Law of Russian Federation]. *Notarial Bulletin*. 2016;3:15-20 (In Russ.).
14. Sviridova EA. Problemnye aspekty nedeystvitelnosti zaveshchaniy v rossiyskom i belorusskom zakonodatelstve [Problematic Aspects of Invalidity of Wills in Russian and Belarusian Legislation]. *Young Scientist*. 2015;24(204):173-176 (In Russ.).
15. Expert opinion dated February 8, 2016, No. 149-1 / 2016 on the draft federal law No. 801269-6 "On amendments to parts one, two and three of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to certain legislative acts of the Russian Federation" (in terms of improving inheritance law). " In: *Expert opinions of the Council under the President of the Russian Federation on the codification and improvement of civil legislation in 2016: Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference "Civil Law of Russia. Results of the Year."* [January 25, 2017]. Moscow: Statute Publ.; 2017 (In Russ.).